

Семь дней - 1991-12-18 авт. (м 33) - с. 8

ИСКУССТВО

ПОРТРЕТ ВО ВРЕМЕНИ

Микаэл ТАРИВЕРДИЕВ: Я ПРОТИВ ЮБИЛЕЯ

СРЕДА, 14 АВГУСТА, РАДИО-1—11.15;
РО-4—9.15; РО-3—11.15; РО-2—5.15; РО-1—5.15

Обычно как? Звонишь: позвольте, маэстро, побеседовать. Ради Бога. А тут категорически: никаких юбилейных интервью.

И тогда кольнула догадка. А не обиделся ли знаменитый композитор? На кого? Да все на того же чиновника от культуры. И вправду, сейчас бы композитору впору полновесный московский авторский вечер, чтоб развернуть все, что нарабаталось за десятилетия, чтоб душу излить. Нет, ни разу в Москве ему не предложили подобный концерт. В Нью-Йорке — пожалуйста, в Париже, в Западном Берлине, в Питере, в Ростове... Но не в Москве.

И вот маэстро в канун своего 60-летия садится в поезд и уезжает подальше от очень круглой даты.

Еще догадка: настроение его творческое. Каково время, такова и музыка. Словом, когда стал звонить ему, тоже был готов получить отказ. И... сам решил предложить отказаться от традиционного вопросника. Подыграл его антиюбилейному тону.

— Никаких юбилейных интервью, Микаэл Леонович. Просто поговорим — и все.

— Абсолютно никаких.

— А если монолог — вам, на любую тему?

— Я скажу, а вы... не печатаете...

— Мы постараемся.

— Тогда слушайте... Долгие годы я лелеял надежду на то, что деятели культуры (и не только) повернут дело отечественного искусства и благоденствию. Понятие «экология» распростерлось надо всем: окружающей среда, политика, экономика, человек, его душа. Но я о другом. Я о том, что звучит вокруг нас, что мы слышим, что затопило, придавило эфир ТВ и радио. Так вот, у меня были надежды на изменение. Сегодня нет. Меняются правительства, лидеры, названия — в звучащем мире ничего не меняется. Никто ничего не может здесь изменить. И я не могу. А теперь и не хочу.

Он сделал паузу. Тяжело перевел дыхание.

— Да и нужна ли сегодня чистота искусства? Заказ на скандал, на фривольность, на политиканство, на коммерцию. Само искусство не волнует. Мишура будоражит, обертка, фантики... А что надо? Надо спасать иску-

ство от делячества и равнодушия. Завтра обязательно мутные воды разлада и бучи откатят в свои берега. И будет спрос на истинную красоту. Останутся ли и этому времени настоящие художники? Не уедут ли, не помрут?.. Те, кто должен прийти работать. Их ученики, соратники, единомышленники... С чистыми руками. Меня спрашивают: почему не уезжаешь? Делал бы там фильмы для души. А я не знаю. Нет, я не боюсь уехать, не чувствую угрызения совести по наним-то гражданским, патристическим мотивам. Не еду — и все! Другие чего-то ждут. Я не жду. Словом, вопрос открытый...

Я подумал, что по логике вещей после такого сердитого монолога он трубку повесит. То есть разговор продолжать уже не о чем. А маэстро вежливо молчал, как мне показалось, искренне переживая сказанное.

— Радиопередача о вашей музыке называется «ПОРТРЕТ ВО ВРЕМЕНИ». Какие у вас отношения со временем?

— Никогда не крутился во времени, как палый лист под ветром. Есть время, а есть времена. В 60-е время было для меня благосклонным. И в 70-е, конечно. В 80-е отвернулось. Времена эти вдруг почуяли во мне сугубо серьезную музыку. Как будто то, что я делал до этого, было несерьезно. А в эти годы появилась у меня органная музыка — концерты и симфония «Чернобыль...», и опера «Граф Калиостро», моноопера «Ожидание», скрипичный концерт, «Восемь сонетов Шекспира».

— От одного полюса — песенного (условно говоря, потому что тут у вас и баллады, и джаз-романсы, и монологи-речитативы) к академическому. А между тем и другим — киномузыка?

— Да. Этому я не изменял никогда.

— А годы нынешние, девятые?

— Времена! И еще какие! Заказ поголовный на «этакое» со скандальчиком, с душком. Не хочу!

— Вы закончили работу над новым фильмом Михаила Каллика?

— Да, вчера поставили точку. Думаю, это лучший его фильм. «И возвращается ветер...» Эпическая диалектика и мудрость. Чистый фильм о жизни, добрый, грустный, потому что все настоящее — грустное.

В. ГУСАРОВ
Фото А. Агеева